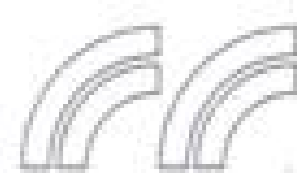

ИВАН ВЫСКОЧИЛ ИЗ САНЕЙ ПЕРВЫМ. ЗАКРИЧАЛ РЕБЯТАМ:
«БЕЖИМ!». РАССЕЯЛИСЬ ПО СКОШЕННОМУ ПОЛЮ.
НИКОГО НЕ ОТЛОВИЛИ. НО ВСЕХ, КТО БЫЛ В ШКОЛЕ, СОЖГЛИ

Терпение земли

Сергей Иванович Лукьянов, как и все прохоровцы, за рычагом трактора с детства. В 13 лет Лукьянов видел танковое сражение. Мальчишки прятались по погребам и ямам. Те, кто не сгорел и не погиб, выходили «наверх». Они не узнавали землю, на которой росли и играли. От их детства не осталось ничего. У многих — ни родных, ни домов. Пепел. Кочерьяжки. Ключки кровли. И горы брони.

Передовая сверкала все дальше. Им, мальчишкам, после коротких наставлений давали старые тракторы. Лукьянову достался ХТЗ. Трактор называли «капитаном»: его бак крепился в форме офицерской портупей. Горючее для тракторов сцеживали из баков подбитых танков. Танки утянули с места боев еще не все. Поле освобождали только для пахоты.

Пахота ждать не могла.

Главная черта Лукьянова: если страдала земля, с землей страдал и он, Сережа Лукьянов. Одно дело, говорил он, когда ураган рвал электрические провода, бил стекла в домах и валил столбы, и совсем другое, когда ураган калечил землю — сдирал посева, сушил до пыли и доводил до трещин, в которые входили двухметровые палки. Это для Лукьянова было непереносимым. «Чего только наша земля не вытерпела, — говорил Лукьянов в минуты наших «философских», как он их называл, разговоров. «Мы у земли учимся всему, — говорил он. — А самые умные учатся терпению».

Первая пахота после боев была страшной. Он вел свой трактор, а впереди шла его мать

и другие женщины. Шли инвалиды и старики, у кого шли ноги, и все они нагибались и поднимали с земли погибших солдат. Перекладывали на дырявые одеяла, на обожженные мешки. И на плащ-палатки. Несли к меже, до погребения. Пахал Сережа и по ночам — опережая дожди. Фар у большинства трактористов не было. Не было и у Сережиного «капитана» — черные, разбитые глазницы. Пахал на малом ходу.

— В темноте? — спрашивал я.

— Нет. Впереди шел напарник. Он раскачивал фонарем «летучая мышь». Так что было видно.

Я записывал в блокноте короткие ответы. И приписывал то, что казалось важным: темноту разгонял тусклый свет фонарей и рано созревающая воля детей.

Идем с Сергеем Павловичем по краю вспаханного клина. Лукьянов впереди, я чуть поодаль. Он внезапно остановился, я тоже. Стоял тракторист, молчал, вглядывался в пустоту. Чем-то он мне напомнил в эту минуту Шеенко. Может быть, у всех у них была одна и та же похожая минута? Только приходила в разное время? Он молча смотрел в пустоту поля. В пустоту неба. Что можно было увидеть в этой пустоте? Но это была пустота для меня. А для Сергея Павловича и живых, как он, людей одной судьбы, пустоты не было. И он, и они видели и слышали в ней свое прошлое. Ни один метр этой пустоты не был пуст — всюду были люди, их нарастающие голоса.

Нет пустоты, пока есть человек.

Вместе

В советское время на прохоровскую землю в дни памятных дат съезжалась «вся страна». Ведь не было в войну ни поля, ни высоты, ни города, за которые бы не сражались солдаты из всех уголков страны. В моих журналистских блокнотах, которые я перелистываю сейчас, сотни фамилий. Рязанов, Шеенко, Лукьянов — лишь трое из них. Лишь трое, опаленных пламенем «танкового поля»; трое, с которыми мне довелось когда-то познакомиться и сблизиться; трое, с которыми, прощаясь, обнимались.

А тогда... У каждого двора — столы. На столах еда, что у кого было. И стояла водка и, прости господи, самогон. Каждого, кто приезжал, звали к столам, как родного. Бывших фронтовиков возили по первой асфальтовой дороге, показывали новые усадьбы, новые крепкие дома. Примет войны не было. Но во власти военных воспоминаний были все.

°3

«А степная трава пахнет горечью...».

РИА НОВОСТИ

Что защитит твое собственное прошлое от забвения?

Только твоя память.

А прошлое народа?

По-человечески — только память каждого о каждом.